

Е Байлу и Хуа Тинсюань заговорили практически одновременно.

Е Байлу:

— Отлично!

Хуа Тинсюань:

— Нельзя!

Мэн Цаньюй:

—

Хуа Тинсюань вырвался от Е Байлу, подлетел к Чу Даньфэну и привычно обхватил его за талию:

— Я буду спать с маленьким старшим братом!

Е Байлу тут же последовала за малышом, присела на корточки рядом с ним и попыталась оторвать Хуа Тинсюаня от Чу Даньфэна:

— Старшая сестра привезла из путешествия много интересных вещиц. Не хочешь взглянуть?

Пытаясь отлепить малыша от Чу Даньфэна, Е Байлу неизбежно коснулась и талии самого Чу Даньфэна. Она рассчитывала, что этот ребёнок сразу же отвергнет её или капризно проигнорирует, но неожиданно этот малыш повернул голову и холодно произнёс:

— Мужчинам и женщинам не подобает прикасаться друг к другу, не трогай моего старшего брата.

Е Байлу:

— !!

Е Байлу отчаянно не хотелось признавать, что её испугал какой-то сопляк, но взгляд, которым только что одарил её Хуа Тинсюань... был поистине ужасающим.

— Где ты только нахватался этих глупостей? — Чу Даньфэн, не заметивший взгляда Хуа Тинсюаня, дёрганым движением скривил губы. — Хуа Тинсюань, будь послушным, отпусти меня.

Однако Хуа Тинсюань обнял его ещё крепче и обиженно заныл:

— Раньше маленький старший брат звал меня Сюанэрмом, неужели старший брат больше не

хочет меня!

А вот это уже походило на детские капризы.

Е Байлу заподозрила, что ей и вправду мерещится всякое, и уже собиралась продолжить уговоры, как вдруг вмешался Мэн Цаньюй:

— Сюанэр, не смей дерзить. В этом деле нужно спросить мнения твоего пятого старшего брата. Даньфэн, говори ты. Услышав это, Хуа Тинсюань задрал маленькое личико, и в его черных, как смоль, глазах блеснули слезы. Его и без того большие глаза казались еще больше, и вид у него был такой жалобный, что Чу Даньфэн вдруг вспомнил, как у леса у дерева ухуань на горе Хуаньи этот ребенок испугался и точно так же бросился ему в объятия. Ощущение, что такое крошечное создание полностью зависит от тебя, было весьма удивительным.

А еще в Зале Дисциплины, когда он увидел, что Лю Яньбай обижает старшего брата, этот кроха храбро вышел вперед, чтобы защитить его. Сказать, что Чу Даньфэн не был растроган, было бы неправдой.

В Персиковой Деревне малыш не играл с другими детьми, а от начала и до конца лип к нему, словно маленький хвостик...

Даже к котенку или щенку привязываешься, если выхаживаешь их полмесяца, не говоря уже об этом крохе, которого он растил целую жизнь и еще полмесяца в придачу.

Чу Даньфэн вздохнул и погладил маленького Хуа Тинсюаня по голове. Малыш, словно почувствовав что-то, наконец разжал свои короткие ручки, сковывавшие собственного старшего брата, и устремил на него полный надежды взгляд своих черных глаз. Чу Даньфэн присел на корточки, поправил на мальчике воротник, а затем направился к Мэн Цаньюй и громко произнес: Прошу прощения, Учитель, культивация Даньфэна еще слишком слаба, боюсь, я не смогу достойно воспитать младшего соученика. Лучше утрудить этим старшую соученицу.

Хуа Тинсюань с неверием посмотрел на Чу Даньфэна, но тот отвел взгляд, однако его настрой был непреклонным.

Пусть у этого малыша было тысячу достоинств, Чу Даньфэн все равно не мог забыть то, что происходило, когда тот вырастет... Поступки взрослого Хуа Тинсюаня леденили душу, но, по правде говоря, винить его не стоило — ведь это он сам сперва посягнул на его женщину...

Короче говоря, это была запутанная и грязная история, и Чу Даньфэн не хотел переживать ее снова. Даже если бы он не содержал его, Хуа Тинсюань всё равно остался бы главным героем: высший талант, лучшие возможности — ничто из этого не прошло бы мимо него.

Он сам был лишь незначительным, более того — ненавистным прохожим в его жизни. Прожив две жизни, к чему навязываться и вызывать отвращение?

В этой жизни тот пойдет своей широкой дорогой, а он — наслаждаться заслуженным отдыхом. Дороги широки, каждый идет своей стороной — разве это не лучший исход?

Мэн Цаньюй:

— Сюн-эр, будь послушен, отпусти Пятого старшего брата.

Хуа Тинсюань:

— Не хочу! Сюн-эр хочет быть с Маленьким старшим братом!

У Мэн Цаньюй на самом деле не было особого терпения к маленьким детям. Сотворив заклинание, он силой разлучил Хуа Тинсюаня и Чу Даньфэна, сунул ребенка Е Байлу и не терпящим возражений тоном произнес:

— Байлу, всю тяжесть ты берешь на себя.

Е Байлу:

— Что вы говорите, Учитель, я с детства люблю детей.

Пока учитель и ученик обменивались любезностями, Хуа Тинсюань круто повернулся и убежал.

Маленький кругляш бросил напоследок лишь одну громкую фразу: «Если Маленький старший брат не хочет меня, то Сюн-эр уйдет с пика Лисуй!», после чего скрылся из виду на глазах у всех.

Е Байлу уже было сорвался с места в погоню, но Мэн Цаньюй остановил его:

— Оставь, пусть идет.

Е Байлу встревоженно воскликнул:

— Но ему всего пять лет! Что, если он попадет в беду?

Чу Даньфэн тоже слегка заволновался и уже собирался заговорить, как услышал холодный фырк Мэн Цаньюй:

— Детские капризы нельзя потакать. Когда он проголодается, захочет пить или устанет, он сам вернется.

Впрочем, весь этот пик Лисуй находился в зоне покрытия духовного восприятия Учителя. Стоит Учителю проявить хоть немного внимания, и с маленьким кругляшом точно ничего не случится, так что ему, пожалуй, не стоит беспокоиться.

Чу Даньфэн подумал: это первый шаг к избавлению от привычки быть нянькой. С этого момента тесная связь между ним и Хуа Тинсюанем будет обручена, и впредь их свяжут самые

обычные отношения соучеников.

Чу Даньфэн чувствовал, что лишь после принятия этого решения он по-настоящему начал всё с чистого листа. На душе было легко, но почему-то закралось и легкое чувство утраты.

На пике Лисюй редко собирались все ученики сразу. Воспользовавшись таким оживлением, Мэн Цаньюй по очереди расспросил учеников об их недавних успехах в культивации и каждому дал индивидуальное наставление. У старшего брата уровень культивации был самым стабильным, вторая старшая сестра во время странствий набралась немало опыта — в основном она собирала духовные травы и спасала жизни, ведь ее страсть к врачеванию и целебным растениям превосходила даже саму культивацию. Впрочем, Учитель особо не вмешивался и не заставлял учеников становиться меченосцами подобно ему самому, в этом плане он был довольно прогрессивным.

Но даже при такой терпимости третий старший брат, самый никудышный из всех, был отчитан Мэн Цаньюй на чем свет стоит: «неуч», «еретик», «потерянное время»... Мэн Цаньюй отчитал Хуан Чантяня так, что тот выглядел поникшим, словно побитый морозцем баклажан. Впрочем, сколько бы раз его ни ругали, этот третий старший брат ничему не учился: сколь бы искренним ни было его раскаяние, это никак не мешало ему вновь браться за старое — тоже своего рода талант.

Что же касалось Чу Даньфэна, то здесь Мэн Цаньюй обычно отделялся парой дежурных фраз и переходил к следующему — все знали, что его золотое ядро расколото и он давно уже не годится для культивации.

В прошлой жизни в такие моменты Чу Даньфэн всегда показывал сдержанное и полное обиды выражение лица, а порой, стремясь придать своему образу глубину, еще и неблагоприятно вступал в споры. Чу Даньфэн:

— Шицзунь, я хочу кое о чём поговорить с Вами наедине.

Стоило ему это произнести, как старший соученик, вторая соученица и третий соученик тут же помрачнели лицами, выказывая понимание. Е Байлу хотел что-то сказать, но осёкся и в конце концов промолчал. Мэн Цаньюй вздохнул, однако дал согласие: он велел остальным ученикам разойтись, оставив Чу Даньфэна наедине с ним.

Емься, пока Е Байлу не отошёл достаточно далеко, Хуан Чантянь шёпотом пожаловался старшему соученику:

— Готов поставить девять камней духа высшего качества, что этот старина Пятый снова пришёл выпрашивать у шицзуня Пилюлю Алого Солнца. Только и умеет, что искать лёгкие пути за счёт хитрости.

Чжоу Юаньшань бросил суровый взгляд на младшего брата по учению:

— Если бы ты уделял тренировкам хотя бы половину его усердия, твой уровень культивации не

был бы столь нестабильным.

Будучи маленьким пухляшом, Хуан Чантянь виновато поскрёб живот и проворчал:

— Сам-то ты разве не терпеть не можешь Пятого?

По правде говоря, если положить руку на сердце, Чу Даньфэн не делал ничего дурного своим соученикам, но он вёл себя точь-в-точь как двоечник, который изо всех сил старается казаться отличником — из-за этой фальшивой показухи он нравился окружающим ещё меньше.

И не только ученики: даже Мэн Цаньюй был уверен, что Чу Даньфэн в очередной раз докучает ему бессмысленными просьбами. Хотя наставник и испытывал глухое раздражение, судьба этого Пятого ученика и впрямь была горькой, поэтому он решил проявить терпение и сперва выслушать его требования.

Мэн Цаньюй уже приготовил целый короб нравоучений в духе «хватит тешить себя несбыточными мечтами», как вдруг Чу Даньфэн достал из пространственного мешка волшебную траву, от которой исходила невероятно мощная ци.

— !! — Мэн Цаньюй округлил глаза. — Это...?!

Чу Даньфэн невозмутимо произнес:

— Шицзунь, эту Траву Скрепления Сухожилий Яолан ученик случайно добыл в горах Хуаньи. Однако она досталась мне не благодаря моим заслугам — это предначертанная судьбой возможность Шестого младшего брата. Хотя этот духовный злак и способен исцелить моё золотое ядро, я не желаю отнимать то, что по праву принадлежит юному Тинсюаню, и бессовестно присваивать его удачу. Надеюсь, вы возьмёте её на хранение, а когда Сюань-эр вырастет, вернёте ему.

Мэн Цаньюй окинул ученика долгим взглядом с головы до ног, словно видел его впервые в жизни:

— ...Ты пришёл сказать мне только это?

В глубине души Чу Даньфэн вопил: «Не ожидали, что у меня проречётся такая высокая мораль, да?! Обалдели небось!»

На лице же его было написано благопристойное выражение:

— Именно так.

Мэн Цаньюй долго размышлял, после чего со сложным, но исполненным одобрения выражением произнес:

— Хорошо.

— Малыш Пятый, ты в последнее время сильно изменился, и наставник очень этому рад...

— Шицзунь! — детский голосок прервал разговор наставника и ученика, и вслед за этим из-за бамбуковой хижины выбежал Хуа Тинсюань.

Как оказалось, желая сохранить в тайне секрет своего перерождения, Хуа Тинсюань не посмел сопротивляться, когда шицзунь силой отделил его заклинанием. Будучи ребёнком, он не мог найти способ противостоять решению Мэн Цаньюя, и «бегство из дома» казалось лучшим способом выразить свой протест.

Однако он не ушёл далеко и всё это время втайне следил за действиями Чу Даньфэна, а услышав подобное, не смог больше сдерживаться и показался на глаза.

— Эту целебную траву я дарю Маленькому старшему соученику, и мне не нужно ждать, пока я вырасту!

— Наконец-то соизволил вернуться? — холодно фыркнул Мэн Цаньюй, но тут же смягчил тон: — Сюань-эр, ты ещё мал и не понимаешь всей серьёзности последствий.

Хуа Тинсюань ответил:

— Шицзунь, я знаю, что делаю. Я отдаю её Маленькому старшему соученику и ни о чём не жалею.

«...» Чу Даньфэн был тронут до глубины души, но в то же время заметил одну маленькую деталь: встретившись с другими соучениками, этот ребёнок упорно не называл его Пятым старшим братом, а продолжал звать «Маленьким старшим соучеником»... Что это за новая причуда?

Мэн Цаньюй пояснил:

— Трава Скрепления Сухожилий Яолан не так проста, как вам кажется. Раз уж это судьба Шестого, Сюань-эр, для пробуждения её свойств потребуется твоя кровь. Лекарство обладает яростной силой, оно повлияет на вас обоих.

Маленький кругляш выпятил грудь:

— Сюань-эр не боится!

«...» Чу Даньфэн не выдержал:

— Шицзунь, что он понимает, будучи ребёнком? Не слушайте его.

Однако Мэн Цаньюй звонко рассмеялся:

— Ладно, какая трогательная братская привязанность! Наставник поможет вам испытать её. Если выдохнетесь и не сможете выдержать, Сюань-эр, ты в любой момент можешь передумать.

Испытав это на себе лишь однажды, Чу Даньфэн наконец понял, что слова «яростная сила» — не пустой звук. Она и правда была дикой.

Стоило лишь развести целебную траву в воде и капнуть туда капельку крови из пальца Хуа Тинсюаня, как Чу Даньфэн, выпив всего полчашки, потерял сознание. А когда пришёл в себя, обнаружил, что лежит на роскошной резной кровати с балдахином.

Погодите-ка... он «видел» себя лежащим со стороны, словно посторонний наблюдатель. Неужели он ещё не проснулся и это сон?

Тц, а лежит-то он весьма мирно. Почему же он так мертвецки заснул, не шевелясь и будто бы даже без дыхания? Если бы не румянец на щеках, он выглядел бы сущим мертвецом. Да и что это за место такое? С чего бы ему сниться в местах, где он отродясь не бывал?

И тут же последовала сцена, от которой Чу Даньфэн позабыл обо всех своих мыслях: в комнату толкнул дверь возмужавший Хуа Тинсюань и направился напрямик к широкой кровати.

Юноша обладал высоким и крепким телохраниением, его шёлковое нижнее бельё с тёмным вышитым узором было наполовину распахнуто, обнажая рельефную, мускулистую талию. Он откинул полог кровати и приподнял одну ногу «Чу Даньфэна» — шёлковые панталоны скользнули вслед за движением, обнажив белоснежную, изящную щиколотку. Крошечная красная родинка с внешней стороны щиколотки ярко выделялась на молочно-белой коже, выглядя поистине соблазнительно.

— Неужели старший соученик и сегодня не желает сказать мне ни единого слова? — с нежной тоской пожаловался Хуа Тинсюань, после чего наклонился и взял зубами ту самую родинку.

Взял... зубами!!!

Взял... зубами!

Зу... бами!!!

Чу Даньфэн:

— А-а-а-а-а-а! Кошмар!

<http://bllate.org/book/20986/2130551>